

ДАРОВОЕ

Фото В. ВУКОЛОВА

Сейчас из Москвы автобусом от метро «Ждановская» — через Бронницы, Коломну — в Зарайск можно доехать за три с половиной часа. А там до Дарового рукой подать. Достоевские ехали двое суток с лишним, переправлялись на пароме через разлившуюся Оку.

...Весна 1832 года. К крыльцу левого флигеля Марининской больницы, где в казенной квартире жила семья младшего ординатора Михаила Андреевича Достоевского, подали кибитку. Купленная у купцов, ездивших на Нижегородскую ярмарку, была она вместительна, как «целый дом». Уложили вещи. Отслужили напутственный молебен. Михаила, Федора, Варвару, Андрея усадили в кибитку с нянькой Аленой Фроловной, Марией Федоровной и Михаил Андреевич, провожавший семью, сели в коляску. У Рогожской заставы отвязали колокольчик, завторили бубенцы...

«Во время поездок... брат Федор, — сообщает А. Достоевский, — бывал в каком-то лихорадочном настроении. Он всегда избирал место сидения на облучке. Не бывало ни одной остановки, хотя бы на минуту, при которой брат не соскочил бы с брички, не обегал бы близлежащую местность, или не повертелся бы... около лошадей». Проехав Зарайск, они «едва-едва сидели на месте, беспрестанно выглядывая из кибитки и спрашивая... скоро ли приедем. Наконец... своротили с большой дороги (у деревянной часовни. — Г. Ф.) и поехали по проселку...»

Усадьба предстала пустырем, на котором кое-где торчали обгоревшие столбы, «несколько вековых лип около сгоревшего скотного двора тоже обгорели».

Пепелище, обьятое весенней зеленью. Таким впервые увидел Федор Достоевский сельцо Даровое, имение, купленное без малого год назад, заложное в марте, а 7 апреля истребленное пожаром. Уцелела лишь постройка, которую должно было называть господским домом, — из трех небольших комнаток с глинобитным полом,

Еще в Москве приехавшего из сгоревшего Дарового вестовщика М. А. Достоевский просил передать крестьянам, что «последнюю рубашку свою поделит с ними». Встретившись с погорельцами, Мария Федоровна раздала по пятидесяти рублей на двор. К концу лета обстроились: при «плетневой мазанке» поставили господский флигелек, избу для дворни и скотный двор. Рядом два насыпных кургана с четырьмя столетними липами на каждом, служивших «лучше всяких беседок... во все лето столовыми, где... постоянно обедали и пили... чай».

Мазанка стояла у края липовой рощи, к северу от нее шел ряд крестьянских домов, составлявших западную сторону «проезжей усадебной улицы». Липовой рощей кончалось с запада владение До-

стоевских, за нею луг, примыкавший к березовому леску, «очень густому и с довольно мрачною... местностью, изрытою оврагами». Лесок этот особенно полюбился Федору и потому в семье будет прозван «Фединой рощей».

О «Фединой роще» рассказывает героиня романа «Бедные люди» во фрагменте, исключенном Достоевским из основного текста: «Я помню, у нас в конце сада была роща, густая, зеленая, теннистая, раскидистая, обросшая тучною опушкой. Эта роща была любимым гуляньем моим... Перебежишь лужайку как ветер... и вмиг очутишься в роще, среди обширного, необъятного глазом моря зелени... Между кустами чернеют кое-где дикие порубленные пни, тянутся высокие неподвижные сосны, раскидывается березка, с трепещущими говорливыми листочками...»

И в рассказе «Мужик Марей», опубликованном через тридцать лет, описаны те же места: «Я прошел за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск — так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага...»

Хозяином в Даровом вела Мария Федоровна, переселявшаяся сюда с детьми по весне. М. А. Достоевский наезжал дней на десять-двенадцать лет. Характерны строки его письма жене: «Поверить ли, что бытность моя у тебя представляется мне как бы во сне; в Москве же встретили меня хлопоты и огорчения...». Но даровская «бытность» также таила скрытый драматизм. Он — и в бесправии Достоевских, в их тяжбе из-за неразмежеванной земли, приносившей много горя семье, крестьянам, и в нищавшем хозяйстве. В конце концов все вело к разорению...

Федор встретился с Даровым в десять лет. Жизнь его здесь начиналась с жадного интереса и к самому месту, и к его окрестностям. Он, как Робинзон, осваивал неведомую землю, где каждый уголок несет для него свой неповторимый образ, хотя на обычный взгляд всего-то роща, березовый перелесок, овраг. Панорама

округи — дали, мягко прочерченные лесами, — лишь пределы, в которых заключена страна его даровского отрочества.

В то первое свое лето в Даровом Федор Достоевский познакомился с новым для него миром — крестьянской Россией. И в «Бедных людях», первом его романе, и в «Дневнике писателя» находим мы фрагменты воспоминаний об этом мире: «Бывало, с самого раннего утра убегу... на сенокос, или к жнецам...».

«...Крестьяне, — писал А. М. Достоевский, — в особенности женщины, нас очень любили и не стеснялись нисколько вступали с нами в разговоры... однажды брат Федя, увидев, что... крестьянка пролила... воду, вследствие чего ей нечем было напоить ребенка, немедленно побегал версты за две домой и принес воды...». А «нежная, материнская улыбка бедного крепостного мужика» потрясет Федора, и писатель постигнет на всю жизнь, «каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонною, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика...» («Мужик Марей»).

Можно здесь, в Даровом, вспомнить и о придуманных Федором играх в прочитанное — «в диких», по Ф. Куперу, с участием крестьянских ребят, в Робинзона... Он жил литературой: Державин, Жуковский, Пушкин, ставший уже для него кумиром, Шиллер, «Страдания молодого Вертера», Карамзин. Столь восторженно, страстно переживаемое нуждалось в своей среде. Скромное по своим красотам даровское приволье обживалось высокой поэзией, образами великой литературы.

В конце жизни Достоевский написал: «12 ти лет, я в деревне... прочел всего Вальтер-Скотта... захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу...».

Первоначально Федор проводил в Даровом около полугода. С поступлением в пансион в августе 1834-го он стал бывать в поместье не более двух месяцев.

Августом 1836 года закончилась для него (и для его братьев и сестер) «сельская эпоха», почти два года его отрочества.

Ф. Достоевский появлялся в Даровом со всем, чем восторженно бредил, с тем, что в городской повседневности искало и не находило выхода — из тесноты наемной квартиры, из пансиона, где он никогда не бывал один. Голгобность уединения необходима была писателю не только в зрелые годы, но и тогда, у начала. Приезд в Даровое был для него прежде всего обретением свободы и уединения.

Но вторглось несчастье, ломалась жизнь Умерла от чахотки мать. Новое потрясение — смерть в поле близ Чермашни от инсульта отца...

Приступая к последнему роману «Братья Карамазовы» в июле 1877 года, писатель посетил родительское имение, оставшее, по его признанию, «самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями». Поездка не нужна ему непосредственно для работы над романом, как, например, впечатления от Оптиной пустыни. Здесь ему важно другое. По словам родных, он «посетил самые различные места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминанию, и даже сходил пешком (версты за две от усадьбы) в любимую им в детстве рощу Чермашню...». В той стороне, в поле, четыре десятилетия назад не стало отца. Да возможно ли, чтобы сын не поклонился в первый (и единственный) раз его могиле!

Ф. М. Достоевский признался в одном из писем к жене: «...Если отказывать себе в этих впечатлениях, то нам же после того и об чем писать писателю». «Как же после того — самое важное. Даровских впечатлений в «Братьях Карамазовых» нет. Но как было не встретиться со своим прошлым перед созданием эпопеи, в которой собирался «высказаться весь!» «Неужели ж и в самом деле, — однажды напишет Достоевский, — есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя...».

...Теперь от шоссе Зарайск — Серебряные Пруды (бывшего Веневского или Астраханского тракта) к Даровому дороге уже нет. Возвращаясь по мокрому суглинку, комьями липнущему к ногам, и все оглядываясь на Даровое... Выбравшись на шоссе, где некогда стояла часовня, от которой был поворот к сельцу Достоевских, долго смотришь на оправленное в «багрец и золото» пространство. Чернеющие там, в Даровом, древние усадебные липы заслоняют «Федину рощу». Трудно расставаться со всем тем, что хранит память об отроческих годах Федора Достоевского, о дорогих ему людях.

И хочется думать, что место это, сбереженное людьми, будет неподвластно времени.

Г. ФЕДОРОВ

Имя. Россия. 1989. 15 стр.